

М.М. Гаджиев

Культурный экстремизм в российском обществе: от реальных проявлений к попытке осмысления

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; gadjiev.dgu@mail.ru

Составной частью работы в сфере национальной безопасности РФ является профилактика экстремизма и связанных с ним деструктивных явлений. В данной статье рассматривается малоизученный аспект экстремизма – культурный. Работа анализирует различные проявления культурного экстремизма в России, в частности на Северном Кавказе. Приводятся многочисленные конкретные примеры, доказывающие, что культурный экстремизм имеет место и порой приобретает достаточно острые формы. Показывается, что с проявлениями культурного экстремизма труднее бороться, поскольку он проявляется в среде более грамотных и интеллектуально подкованных людей и не имеет открытых идеологически организованных форм, как в случае религиозно-политического экстремизма. Рассматриваются действующий закон РФ и проект нового закона о культуре, где отмечены все механизмы преодоления экстремизма в культуре, и которые однозначно подчеркивают первенство прав и свобод отдельной творческой личности.

Ключевые слова: *экстремизм, религиозно-политический экстремизм, культурный экстремизм, права и свободы человека, национальная безопасность, радикализм, Северный Кавказ, Дагестан.*

Введение

Социальная и духовная безопасность человека связана с гармонизацией его социального и духовного бытия в этом мире, что связано, в том числе с устранением всех проявлений радикализма и экстремизма, в чем бы они ни проявлялись. Экстремизм в современном мире перестал быть единичным, эпизодическим, экстраординарным явлением и трансформировался в один из радикальных способов решения различных политических, религиозных, этнических и общекультурных проблем и приобрел перманентный статус. Это вытекает из социально-экономической, политической, этно-религиозной и идеологической ситуации в современном мире, находящемся в системном кризисе, затрагивающем все стороны жизнедеятельности человека.

Предупреждение и профилактика различных проявлений экстремизма является одним из основных направлений деятельности в области национальной безопасности Российской Федерации. Данный приоритет лег в основу ключевых основополагающих документов, государственных законодательных и правовых актов⁹.

О некоторых проявлениях экстремизма

⁹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» от 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 и др.

Нам представляется, что в изучении радикализма и экстремизма в сознании и поведении людей в отечественной и зарубежной литературе образовался своеобразный «крен» в сторону одностороннего их понимания, когда изучается преимущественно *этно-религиозный и религиозно-политический экстремизм*. Конечно, этому есть историческое и логическое оправдание. Действительно, конец XX и начало XXI в. характеризуются известными центробежными социально-политическими процессами, связанными с разрушением мировой системы социализма, распадом Югославии, Советского Союза и других стран. «Парад суверенитетов», сопровождающий эти деструктивные процессы, привёл к серьёзному обострению ситуации внутри вновь образовавшихся государств и на международной арене. Естественно, что в этих условиях конфликтности интересов различных социальных слоев общества этнические и религиозно-политические противоречия выдвигаются на передний план, а экстремизм и радикализм проявляются, прежде всего, в этих сферах.

Северный Кавказ стал местом, где наиболее острые и разнообразные формы религиозного, политического экстремизма развивались с особым размахом и интенсивностью. Эти процессы были детально исследованы в работах известных российских и зарубежных ученых таких, как А.К. Магомедов, М.-Р. Ибрагимов, К. Мацузато. Были закрыты многие лакуны данной проблемы [9; 8]. Не менее значимыми с позиций открытия нового знания можно признать работы российских ученых, посвященные пограничным проявлениям мусульманской трансформации в контексте развития экстремистских и адаптационных практик исламских общин в различных российских регионах. Профессор РГГУ А.К. Магомедов и сотрудник МГИМО А.А. Ярлыкапов проанализировали феномен «арктического ислама» и астраханско – дагестанский казус мусульманских коммуникаций [11; 5]. Особенно ценным, на наш взгляд, является концепт «новая мусульманская география» России, введенный в научный оборот А.К. Магомедовым [5]. Однако проявления экстремизма, радикализма дают о себе знать не только в привычных нам этнополитических и конфессионально-политических сферах. Они развиваются в самых различных областях, не обязательно связанных с религией или политикой. Понятие «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) подразумевает склонность к крайним и предельным формам выражения своих позиций в отношении самых разных вопросов. В самом абстрактном понимании экстремизм выглядит как превышение установленной или общепринятой меры, пересечение критической (реальной или воображаемой) границы. Можно с уверенностью сказать, что экстремизм является индикатором состояния этой действительной или воображаемой границы, какой бы условной и гибкой она ни казалась. Переступить через эти границы означает создать потенциально конфликтные ситуации в самых разных областях жизни [4, с. 136].

Исследователи из различных отраслей гуманитарного знания, как российские, так и зарубежные, анализируют совершенно неожиданные виды экстремизма. Выясняется, что существует такое направление экстремизма, как *виджилантизм*. Это достаточно деструктивная разновидность индивидуальной активности, которая направлена на сохранение текущего порядка (социального, конфессионального, политического и т. д.) с помощью насильственных действий. Данное течение комбинирует использование различных видов радикализма: от этнонационального до политического. К этому нужно еще добавить весьма агрессивный экстремизм *милленаранистских культов*. Их классификацию дал известный социолог Д. Норикс, отметив при этом, что они обладают всеми чертами не только религиозно-политического, но и культурного экстремизма [10, с. 53].

Понимание культурного экстремизма

В данной работе мы будем говорить о проявлении экстремизма и радикализма – в области культуры. Для того, чтобы осуществить содержательное рассмотрение данных деструктивных явлений, необходимо провести краткое понятийное уточнение самого термина «культура». Мы будем придерживаться не специального, а традиционного (в чем-то даже обыденного) понимания культуры. Это когда культура ассоциируется с духовным началом и творческой деятельностью человека.

Исследователям хорошо знакомо понятие «культурное насилие», под которым рассматриваются процессы духовного принуждения и давления в сфере культуры, науки, искусства, идеологии. Механизмы принуждения используются как для прямого, так и для косвенного давления и воздействия на человека и его поведение [3, с. 101]. Можно сказать, что культура делает процессы духовного насилия и давления легитимными механизмами насаждения или утверждения человеческой идентичности. При этом могут использоваться все существующие инструменты идеологического и культурного воздействия: религия, право, мораль, представления, ценности.

Экстремизм рассматривается нами как активность, которая входит в противоречие с законом и общественными нормами. В этом качестве экстремизм выступает как сила, которая пытается отобрать у государства эксклюзивное право на применение насилия и передать это право тем или иным личностям или социальным группам. Государство, выступая в качестве единственного субъекта антиэкстремистской и антитеррористической деятельности, старается действовать в пределах законодательных правил, в то время как экстремисты своими деструктивными действиями исключают себя из правового поля. Иначе говоря, государство является единственным субъектом, обладающим монополией на насилие в противостоянии с экстремизмом.

Необходимо признать, что установление характерных черт и границ такого сложного феномена, как экстремизм в сферах искусства и духовной культуры, является крайне трудной задачей. В данном процессе важно обнаружить очень тонкую грань между законом, индивидуальной творческой свободой и пределами допустимого. Исходя из этого, на первое место выдвигается задача методологического уточнения пределов и границ экстремизма. Только после уточнения мы сможем определить такие характеристики, как уровень креативной индивидуальности автора или исполнителя, творческая критика, элементы дискуссии и противопоставление им деструктивных форм деятельности: радикализма, терроризма, уголовных действий, немотивированной агрессии и т. д.

Необходимо отметить, что статья 2 Конституции РФ декларирует, что права и свободы человека выступают в качестве наивысшей ценности в обществе. Параллельно с этим культурная самобытность не только отдельного человека, но и целых народов также признается в качестве важной составляющей здорового и свободного общественного организма.

Мы будем рассматривать конкретные примеры *культурного* экстремизма, который зачастую приобретает крайние формы, причины, его вызывающие, а также способы борьбы с подобными проявлениями. Яркой иллюстрацией культурного экстремизма может служить общероссийская история с выходом в прокат фильма «Матильда». Ситуация с картиной даже перешла границы культурного экстремизма, получив все признаки уголовщины и эмоционального запугивания. К ним относятся такие акции, как поджог кинотеатра в Екатеринбурге, где собирались показать этот фильм, поджог автомобиля адвоката режиссера картины Алексея Учителя, агрессивные выступления ряда депутатов и публичных политиков и т. д.

Если брать северокавказский сегмент культурного экстремизма, то в регионе, как нам представляется, атмосфера еще более драматичная. Возьмем Республику Дагестан, где под давлением агрессивных активистов и общественных групп был отменен ряд громких культурных мероприятий. Речь идет о концертах таких известных исполнителей, как Егор Крид, Элджей, популярного корейского молодежного ансамбля BTS. Сюда же можно отнести выступления против кинопоказа ленты Love Yourself. Причиной громкого публичного скандала (с резонансом в местных СМИ) стал запрет в Махачкале спектакля московской театральной группы «Охота на мужчин» [2].

Дагестан – не единственный субъект Федерации, где происходят эксцессы культурного экстремизма. Достаточно указать на весьма оживленную и продолжительную публичную кампанию по запрету проката кинокартины «Братство» известного режиссера Павла Лунгина, в которую были вовлечены даже авторитетные сенаторы и руководители ряда ветеранских организаций. Фильм посвящен событиям конца афганской войны 1989 г. Сторонники запрета фильма возмущались тем, что действия советских солдат и офицеров в отношении афганцев не всегда смотрелись благородно и гуманно. Это, по их мнению, разрушало образ советских солдат как носителей интернациональной миссии и моральных идеалов, несмотря на то, что на официальном сайте компании «Walt Disney Studios Sony Pictures Releasing» заявлялось, что фильм основан на действительных событиях, имевших место во время афганской кампании. В частности, сценарий фильма основан как на архивных материалах, так и на воспоминаниях реальных участников афганских событий. Как бы то ни было, события, связанные с прокатом фильма, сопровождалась громким скандалом.

Аналогичные события имели место и в прошлом. Известны, например, скандальные попытки запретить показ рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда», представление «Сказки о попе и работнике его Балде» и ряд других.

У всех этих и многих подобных примеров есть одна общая особенность, по которой они безоговорочно относятся к проявлениям культурного экстремизма. Она выражается в крайне неэффективной запретительной стратегии по отношению к конкретным культурным феноменам. Мы много раз убеждались в том, что такая запретительная установка губительна во всех областях жизнедеятельности, но особенно она провальна в сферах духовной культуры: искусстве, литературе, науке. Тем не менее, к великому сожалению, она продолжает действовать и мешать продуктивному культурному процессу.

Описанные агрессивно-запретительные практики при реализации досуговых мероприятий и культурной политики в целом нельзя признать эффективными. В таких практиках кроется агрессивное недоверие к творческим возможностям человека и неприятие интеллекта в целом. Думается, что современный образованный человек, будь то зритель спектакля, читатель книг и текстов, слушатель консерватории, способен самостоятельно ориентироваться в познавательных, просветительских или психологических тонкостях российской и мировой культуры.

Краткий вывод

Становится очевидным, что культурный экстремизм, хоть и не столь разрушительный, как этнонациональный или религиозный, обладает достаточно ощутимым деструктивным потенциалом. В этой связи необходимо обратить особое внимание на правовые инструменты контроля за основными тенденциями современной культурной политики. Данный момент своевременно подчеркнули саратовские политологи в контексте изучения социального запроса на желаемое будущее России [1].

Литература

1. Вилков А.А., Шестов Н.И., Абрамов А.В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. – С. 108–122.
2. Войцеховский Б. Зарезать и сжечь эту мразь. – Режим доступа: // <http://lentka.com/a/802205/1/>
3. Галтунг Й. Культурное насилие. Конфликты: теория и практика разрешения: в 3 т. / под общ. ред. Е.Ю. Садовской, И.Ю. Чупрыниной Т. 3. – Алматы, 2002.
4. Жижек С. Интерпассивность. – СПб.: Алетейя, 2005.
5. Магомедов А.К. Специфика исламополитической трансформации в Астраханском регионе в постсоветский период: заметки на полях материала о так называемом «астраханском хабе» российского ваххабизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1. – С. 20–27.
6. Магомедов А.К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этносоциальной мобильности // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2020. № 4. www.evestnik-mgou.ru
7. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Федеральный закон от 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 (ред. от 29.05.2020) <https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/>
8. Ibragimov M.-R, Matsuzato K. Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan. Nationalities Papers. – London: Routledge, 2014. Vol. 42, no. 2. – P. 286–302.
9. Magomedov A. Transformation of the Dagestan Muslim community: between Islamic globalization and the logic of counter-terror // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. Vol. 35. – P. 316–325.
10. Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Electronic resource] // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 53. – URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG849/>
11. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // Problems of Post-Communism. Taylor & Francis Group. Published online: 20 Aug. 2019.

References

1. Vilkov A.A., Shestov N.I., Abramov A.V. Social request for the future of Russia in political projects and the mass consciousness of citizens // Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 4: History. Regional studies. International relationships. 2021. T. 26, № 3. – С. 108–122. (in Russian).
2. Voitsekhovskiy B. "To kill and burn this scum" [Electronic resource] // <http://lentka.com/a/802205/1/> (in Russian).
3. Galtung J. Cultural violence. Conflicts: theory and practice of resolution: in 3 t. / under the general editorship of E.Yu. Sadovskaya, I. Yu. Chuprynina. T. 3. – Almaty, 2002. (in Russian).
4. Zizek S. Inter-passivity. – St. Petersburg: Aletheia, 2005. (in Russian).
5. Magomedov A. The Specifics of Islamic-Political Transformation in the Astrakhan Region in the Post-Soviet Period: Marginal Notes on the So-Called “Astrakhan Hub” of Russian Wahhabism // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2020. № 1. – P. 20–27. (in Russian).

6. Magomedov A. Polar Islam in post-Soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of the "new" ethno-social mobility [Electronic Resource] // Vestnik MGOU (electronic journal). 2020. № 4. www.evestnik-mgou.ru (in Russian).

7. Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025. Federal Law No. Pr-2753 of November 28, 2014 (as amended on 29.05.2020) <https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (in Russian).

8. Ibragimov M.-R, Matsuzato K. Contextualized Violence: Politics and Terror in Dagestan // Nationalities Papers. – London: Routledge. 2014. Vol. 42, no. 2. – P. 286–302.

9. Magomedov A. Transformation of the Dagestan Muslim community: between islamic globalization and the logic of counter-terror // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. Vol. 35. – P. 316–325.

10. Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Electronic resource] // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 53. – URL: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG849/>

11. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // Problems of Post-Communism. Taylor & Francis Group. Published online: 20 Aug. 2019.

Поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.

UDC 316.7

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-1-53–58

Cultural Extremism in Russian Society: from Real Manifestations to Attempts to Comprehend

M.M. Gadzhiev

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev, st., 43a; gadjiev.dgu@mail.ru

The prevention of extremism is an essential component of the work in the field of national security of the country. The article reveals some of the main forms of extremism, such as religious-political, ethno-social, economic, pseudoscientific, and others, and provides examples. The main content of the article is devoted to the disclosure of the essence and diversity of manifestations of cultural extremism in the country, especially in the North Caucasus and Dagestan. Numerous concrete examples are given to prove that cultural extremism takes place and sometimes in quite acute forms. It is shown that the manifestations of cultural extremism are more difficult to combat, since it manifests itself among more literate and intellectually savvy people and does not have open ideologically organized forms, as in the case of religious and political extremism. The article considers the current law of the Russian Federation and the draft new law on culture, which notes all the mechanisms for overcoming extremism in culture, and which clearly emphasize the primacy of the rights and freedoms of an individual creative person

Keywords: extremism; religious and political extremism; cultural extremism; human rights and freedoms; national security; radicalism; North Caucasus; Dagestan.

Received 6 December 2021